

Криминалистическое наследие Л.Г. Видонова

Год назад, 20 апреля 2013 г., ушел из жизни Леонид Георгиевич Видонов – ветеран органов прокуратуры, самолюбивый нижегородский ученый – криминалист. Научную деятельность он рассматривал исключительно в прикладном аспекте как средство совершенствования практики раскрытия и расследования преступлений [1]. Среди его публикаций по криминалистике и уголовному процессу выдающееся место занимает вышедший в начале семидесятых годов прошлого века «Альбом типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев». По указанию руководства прокуратуры СССР это методическое пособие было внедрено в практику следствия всех союзных и автономных республик, краев и областей Союза ССР.

Вклад любого ученого в развитие науки нельзя ограничить только хвалебными отзывами. Научное наследие конкретного автора, как правило, весьма по-разному оценивается в те или иные исторические периоды. Позитивная или негативная оценка одних и тех же научных положений может менять на противоположную, в зависимости от развития науки в целом и научной позиции тех ученых, которые производят эту оценку. Мы видим заслугу Л.Г. Видонова в первую очередь в том, что он поставил ряд ключевых для криминалистической теории проблем. Предложенные авторские решения вызвали научную дискуссию, которая до настоящего времени не утихает на страницах криминалистических журналов. И сегодня его идеи не утратили инновационный характер.

В качестве примера, приведем современную оценку исследований автора. Известный криминалист В.П. Бахин пишет: «Попытка эффективно двигаться вперед в условиях старой методологии к значимым результатам уже не приводит. Существующие концепции, основанные на общих принципах права, в большинстве своем описательны, содержат общеизвестные истины с малореальными, практически заранее невыполнимыми, рекомендациями. Такой (сегодня практически единственный) пример осуществил Л.Г. Видонов. На основе уголовных дел около 1000

В.Ю. Толстолицкий
Профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
доктор медицинских наук

убийств он систематизировал закономерности действий в зависимости от способов совершения преступлений. Эти данные способствовали следователям раскрыть свои уголовные дела» [2]. Как видим, и через тридцать лет, работы Л.Г. Видонова оцениваются как «практически единственный пример» создания рекомендаций, имеющих непосредственно прикладное значение. Кроме того, интересна оценка упомянутых В.П. Бахиным 1000 уголовных дел с точки зрения достаточности сведений для научного обобщения. Замечу, что вслед за критикой А.М. Ларина работ Л.Г. Видонова, многие оценивают выборку в 1000 уголовных дел как нерепрезентативную. Тем не менее, ни самому А.М. Ларину, ни другим криминалистам (включая работы А.Ф. Лубина), не удалось получить большую эмпирическую базу с аналогичной эффективной обработкой – рекомендациями прикладного характера по каждой эмпирически встречающейся следственной ситуации. Именно поэтому В.П. Бахин подчеркивает в работах Л.Г. Видонова как основное достоинство – их прикладной характер. Нацеленность на практику привела к тому, что эти работы заложили основу новых теоретических разработок. В частности, В.П. Бахин настаивает на том, что работа Л.Г. Видонова «стала прообразом практической категории криминалистической характеристики преступлений» [3]. Я согласен с такой оценкой, несмотря на то, что в публикациях Л.Г. Видонова не дана криминалистическая характеристика преступлений как готовое криминалистическое понятие. Тем не менее, публикации послужили отправной точкой для применения криминалистической характеристики как основы выдвижения следственных версий и, соответственно, развития этого аспекта в качестве одного из направлений совершенствования криминалистической методики.

Информационные технологии сегодняшнего дня делают актуальной следующую мысль В.П. Бахина: «Свою работу Л.Г. Видонов совершил карандашом и расчетами, когда еще не было под руками компьютерной техники, поэтому можно согласиться с критикой ограниченности масштаба обобщения, региональной узостью изучения уголовных дел. Прошло 30 лет, но никто не провел подобного исследования. Поэтому следует не критиковать эту первую попытку формирования базы данных криминалистической характеристики убийств, а развивать начатое с учетом необходимой корректировки как применительно к убийствам, так и в отношении иных видов преступлений» [4].

Процитированная мысль интересна тем, что в ней содержатся указание на две основные причины отсутствия сколько-нибудь ощутимых научных результатов среди аналогичных, предпринимаемых за прошедшие 30 лет после работ Л.Г. Видонова, попыток проведения научных исследований.

В качестве первой причины отмечается тот факт, что набор эмпирической базы научного исследования занимает 5–7 лет. По этой причине, ни один аспирант не возьмется за исследование, в котором один только набор эмпирической базы составляет период, больше срока его обучения в аспирантуре.

В качестве второй причины выступает то, что трудно разрешается проблема нахождения источника сведений о реальных следственных ситуациях и механизмах совершения преступлений. Дело в том, что, как правильно отмечает В.П. Бахин, «по протоколам осмотров мест происшествия необходимых данных для криминалистической характеристики получить не удастся» [5]. Для Л.Г. Видонова указанной проблемы не существовало, поскольку он был практиком и его собственный эмпирический материал представлял собой, то, что сегодня называется «включенное наблюдение». Отрыв криминалистической науки от практики, с одной стороны, и не менее глубокий отрыв практики от науки, с другой, делает практически невозможным проведение серьезных исследований в русле публикации Л.Г. Видонова.

При жизни, Леонид Георгиевич весьма болезненно реагировал на несправедливую и не конструктивную критику А.М. Ларина, опубликованную в одной из последних работ указанного автора [6]. В связи с чем, есть смысл привести эти критические замечания и ответить на некоторые из них, с точки зрения современной криминалистической науки. Автор отмечает шестилетний труд Л.Г. Видонова и использование процентов для обобщения эмпирических данных: «Потрудился Л.Г. Видонов немало. Более шести лет он вел записи по делам о раскрытых убийствах, совершенных без очевидцев, фиксируя сведения о месте и времени, орудии и способе преступления, о потерпевших, а также о преступниках, вычисляя в процентах соотношение отдельных показателей» [7]. Основой для негативной оценки всего исследования становятся два положения: а) использование процентов в качестве средства обобщения; б) не репрезентативность выборки, поскольку изучен малый объем совокупности эмпирических данных, насчитывающий, по мнению А.М. Ларина, 800 уголовных дел.

Проведя небольшой комментарий указанных двух положений, автор делает неожиданный вывод: «После этого нетрудно догадаться, почему Л.Г. Видонов заменил абсолютные числа процентами. Напиши он открытым текстом, что из пяти уголовных дел можно вывести пять статистико-вероятностных закономерностей, его бы, пожалуй, осмеяли и читатели, далекие от математики. Прибегнув же к этому нехитрому камуфляжу, он рассчитал, что какое-то время продержится на поверхности» [8].

Итак, А.М. Ларин полагает, что использование процентов представляет собой хитрый способ ухода от абсолютных показателей. Не обоснованно обобщая свой вывод, автор негативно оценивает не только эмпирическую базу, но и весь подход Л.Г. Видонова. Для усиления отрицательного впечатления о критикуемом методе, он ссылается на мнение некоторых практиков: «На мой взгляд, приводимые автором примеры не подтверждают эффективности его метода. Не ограничиваясь личной оценкой, я выяснил мнение опытных прокуроров-криминалистов, с которыми меня связывает научная и практическая работа. По их отзывам, попытки применить этот метод безуспешны, и впечатление такое, что сам Л.Г. Видонов им не пользуется, а задним числом подгоняет описание расследования под свои таблицы» [9]. Ответом на замечание А.М. Ларина может послужить оценка моего личного опыта, полученного в ходе проведения обучения нескольких групп нижегородских следователей вдвоем с Л.Г. Видоновым, весной 2007 г., по его методике. Известно, что в результате любого обучения не каждый слушатель, в том числе и следователь, глубоко и полностью осваивает всю программу. Поэтому мы не ожидали в качестве результата стопроцентное овладение частной методикой раскрытия и расследования убийств.

В качестве основных причин снижения эффективности от повышения квалификации следователей выступают: 1) отсутствие мотивации к изучению новых методов; 2) нежелание перестраивать собственное мышление и стереотип поведения; 3) отсутствие терпения при решении учебных задач, приводящее к тому, что устойчивый навык применения методики не формируется за двух недельный срок.

Если бы А.М. Ларин опросил только тех следователей (у нас они составили около 20% обучавшихся), которые фактически не захотели усвоить методику после проведенного самим Л.Г. Видоновым обучения, то получил бы примерно те же отзывы, что и в приведенной им цитате. Поэтому, применяя крите-

рии А.М. Ларина к его выводам, считаю, что выборка опрошенных самим А.М. Лариным нерепрезентативна, а утверждения упомянутых им же практиков о том, что их «попытки применить этот метод безуспешны», зачастую имеют вышеуказанную нами мотивацию. По нашему опыту, подавляющее большинство следователей уже в ходе обучения понимали суть метода. Проблемой стало обновление статистических данных и повышение их репрезентативности, то есть тех положений, на которых основан метод Л.Г. Видонова. Мы полагали, что без совместных научных исследований, проводимых прокуратурой и кафедрой ННГУ им. Н.И. Лобачевского – уголовного процесса и криминалистики юридического факультета и кафедрой МО ЭВМ факультета ВМК, отмеченную проблему разрешить не возможно. Поэтому группой исследователей, возглавляемых С.Д. Беловым, при консультациях Л.Г. Видонова, была предпринята попытка исследования данного научного направления.

Возвращаясь от обучения к научному обоснованию частной криминалистической методики раскрытия и расследования убийств, укажем следующее: теоретическая и практическая значимость проблемы настолько велика, что в ней принял участие корифей отечественной криминалистики Р.С. Белкин. Поддержав Л.Г. Видонова, он отрицательно оценил огульную критику А.М. Ларина. «Исследования Л.Г. Видонова, к сожалению, – подчеркивает Р.С. Белкин, – не имели столь же усердных последователей. В литературе звучали высказывания о том, что криминалистическая характеристика преступления может иметь практическое значение лишь при условии исчисления указанных зависимостей, однако разработок, аналогичных названным, нам более не встречалось. Зато появились утверждения, полностью отрицающие значение работ Л.Г. Видонова. По мнению А.М. Ларина, работы Видонова завели его в тупик» [10]. Реагируя на замечание о малой эмпирической базе Л.Г. Видонова, Р.С. Белкин пишет: «Мы не задаемся целью проверки эмпирической базы программ Л.Г. Видонова и других авторов аналогичных программ. Дело не в конкретных показателях корреляционных зависимостей между элементами криминалистической характеристики, а в том, что этот подход, с нашей точки зрения, методически верен и разработка подобных программ должна основываться именно на нем. Именно подобным образом должны выглядеть программы построения типичных версий. Однако эти программы – не единственный вариант программирования действий следователя» [11].

Выделю три положения в формулировке Р.С. Белкина, с которыми следует согласиться. Во-первых, рассматриваемый подход методически верен. Во-вторых, на этом подходе должны базироваться способы построения типичных версий. В третьих, объем эмпирической базы исследования, рассмотренный как самостоятельный фактор, не может быть использован для отрицания научного подхода, использованного Л.Г. Видоным. В этом случае речь идет об оценке репрезентативности получаемых результатов эмпирического обобщения и требует самостоятельного исследования.

Поскольку о методике Л.Г. Видонова писали многие криминалисты, можно было бы продолжить аналитический обзор литературы. Однако основные позиции приведены, поэтому перейду к изложению собственного видения данного вопроса. Моя совместная на протяжении 5 лет работа с Л.Г. Видоным позволила уяснить как положительные стороны его подхода, так и недостатки. По моему мнению, к положительным научным результатам Л.Г. Видонова можно отнести следующие:

1) проведение автором криминалистического анализа проблемы раскрытия убийств. В результате того, что понятия «раскрытие» до сих пор нет в УПК РФ, а термин встречается только в законе об ОРД, традиционно считается, что раскрытие это задача оперативных сотрудников. В отличие от этого, предложения автора регламентируют (программируют) действия следователя при выдвижении версий по характеристикам субъекта преступления;

2) выделение типовых следственных ситуаций, в которых основой для типизации становятся мотив, место, пол и возраст жертвы. Важно, что указанный перечень сведений устанавливается следователем непосредственно на месте преступления и выступает исходной информацией для выдвижения версий;

3) использование не только криминалистической модели (как предлагается, например, Г.А. Густовым), но и криминалистической характеристики преступления (далее КХП) для раскрытия. Тем самым автор показал прикладное назначение КХП для решения задачи обнаружения неизвестного преступника;

4) составление перечня криминалистически значимых признаков, характеризующих преступника (его вероятностный портрет) и следственную ситуацию;

5) использование количественных методов в КХП, в частности средств описательной статистики (проценты). Концепция Л.Г. Видонова заключается в типизации следственных ситуаций, для каждой из кото-

рых предлагается статистически усредненный портрет лица, совершившего убийство, то есть описание «типичного преступника».

6) развитие понятия корреляционных связей. Содержание их автор видел в неоднозначных зависимостях между элементами состава преступления. Недостатком работ автора в этой части является отсутствие в них методики расчета таких связей. Положительной стороной стало рассмотрение статистических (корреляционных), что не было сделано до него другими криминалистами, в том числе в публикациях Г.А. Густова по криминалистическому моделированию и работах Р.С. Белкина, посвященных криминалистической теории отражения (следообразования).

7) развитие идеи программирования расследования и создание рекомендаций для следователя, позволяющих применять определенную последовательность действий (рекомендации в виде «алгоритма расследования») при использовании КХП. Автор не упоминал о компьютерах, поэтому его рекомендации предназначены исключительно для следователя и не имеют отношения к компьютерным программам;

8) формулировка положения, что раскрытие и расследование убийств начинается с тактики осмотра места преступления, вопреки тому, что в структуре криминалистики понятия раскрытия и расследования изучаются в разделе криминалистической методики.

Перечисленные выше пункты сформулированы мной для того, чтобы выделить из большого наследия автора систему правильных теоретических положений. Полагаю, что они имеют непреходящее научное значение и поэтому могут служить основой для дальнейших исследований. В то же время произошедшее за последние 30 лет развитие криминалистики, привело к тому, что часть других представлений автора утратила свою актуальность и требует пересмотра.

При пересмотре следует учесть критические указания А.М. Ларина на недостатки методики, но уже в качестве конструктивных замечаний. Особо следует отметить то, что Л.Г. Видонон никогда не занимался созданием компьютерных программ, в связи с чем появление информационных технологий требует пересмотра ряда его положений в свете новых задач, встающих при попытке «компьютеризации» следственной деятельности и криминалистики.

Современная криминалистика все чаще ставит задачу создания информационных криминалистических технологий. Наша попытка создать компьютерную программу на базе работ Л.Г. Видонова без пред-

варительного их теоретического переосмысления не имела успеха.

В частности, «напрямую» идеология Л.Г. Видонова была положена в основу разработанной нами в 2006 г. компьютерной программы «КРИМРАС». При попытке ее использования выявилось два основных недостатка. Во-первых, невозможность пополнения сведений в виде ввода в программу новых уголовных дел, на которых базируются выдвигаемые программой рекомендации для следователя. При очевидности методов собирания эмпирического материала, которые реализовал Л.Г. Видонов, собирание материала в электронной форме потребовало принципиально иных методов. Попытка решения этой задачи привела к необходимости создания электронной базы данных.

Разработка и создание базы данных является нетривиальной задачей, поэтому не случайно базы данных регистрируются в качестве интеллектуальной собственности. Задача была решена лишь в 2011 г. в виде формулировки положения о необходимости введения трехуровневой криминалистической характеристики. Реализация ее выразилась компьютерной программе «МОСС» (магистерская работа студента ВМК ННГУ им. Н.И. Лобачевского В. Башурова) – моделирование следственных ситуаций.

Во-вторых, потребовалось отказаться от процентов как средства обобщения эмпирического материала, поскольку они неадекватно выражают сущность версионного процесса. В качестве основы обработки базы данных нами был предложен математический аппарат теории вероятностей. Существенное теоретическое изменение взглядов в данном случае выражается в ряде положений. Важнейшим из них является содержание представлений о том, что в основе программно реализуемого метода выдвижения версий лежит понятие частотной вероятности появления криминалистически значимого события. По своей математической сути, вероятность представляет собой константу, к которой стремится эмпирически определяемая частота появления исследуемого события. Несмотря на то, что выражаемая в долях единицы вероятность может быть выражена и в процентах тоже, она по своему содержанию принципиально отличается от смысла последних. Статистическая наука не предъявляет формальных требований к постоянству процентов, характеризующих наличие какого-либо события в различных выборках. В отличие от этого вероятность есть величина, к которой стремится выборочное значение интересующего нас показателя.

В этом контексте отметим правоту А.М. Ларина, утверждающего, что нельзя вычислять проценты для совокупности данных, объем которых не превышает 100, как это сделал Л.Г. Видонов. В то время, как вероятность события, можно рассчитать даже на двух-трех уголовных делах.

В этой связи, еще раз подчеркнем положительную сторону работ Л.Г. Видонова, заключающуюся в том, что при создании КХП он одним из первых начал использовать количественные методы. Однако с точки зрения статистики, вычисленные им проценты, результирующие проведенное эмпирическое обобщение, называются относительными показателями структуры. Других показателей и других методов он не применял.

Вычисленные Л.Г. Видоновым показатели структуры представляют собой выраженную в процентах долю преступлений, совершенных, например, категорией лиц «друзья и приятели» потерпевшего. Полученный результат, в виде показателей структуры, автор предлагал применять к конкретному расследуемому делу.

Если для практического применения методики такой подход на начальном этапе может считаться оправданным, то проведенный нами научный анализ данного перехода обнажил ряд нерешенных теоретических проблем криминалистики.

В частности, при экстраполяции ранее вычисленных процентов на раскрываемое уголовное дело возникает противоречие между первоначально заданным смыслом показателя и его новой трактовкой. В качестве примера такой экстраполяции укажем следующие рекомендации Л.Г. Видонова. Согласно автору, в ситуации, когда по признаку «отношение по степени родства и знакомства» известна доля круга лиц, например, «друг или приятель потерпевшего», имеющего самый большой процент (35%) среди других лиц, объединенных этим признаком (например, соседи – 21%, родственники – 16%), следователь должен сделать вывод о том, что наиболее вероятным преступником является друг или приятель потерпевшего.

Таким образом, величина «35%» трактуется автором не в качестве процентов, а как вероятность появления указанной категории лиц. На этом основании, считаю, что целесообразно использовать соответствующие статистические понятия, то есть вербальная формулировка должна согласовываться со смыслом соответствующих статистических показателей.

Сделать этот, казалось бы, очевидный шаг в изменении используемых статистических понятий

в криминалистике нельзя без знания теории статистики и ее математического аппарата. Однако, как показывает анализ всех публикаций Л.Г. Видонова и личное общение с ним, объем его статистических знаний ограничивается методами статистического наблюдения, сводкой и группировкой, относительными показателями структуры. Поэтому проведенное им исследование носило выраженный эмпирический характер, что и обусловило сохранившиеся после его работ границы применения статистических методов в криминалистике.

Отметим, что указанный шаг в разработке криминалистической характеристики после Л.Г. Видонова так и не был совершен. Известны работы Л.Я. Драпкина, в которых сделана попытка использования понятия «вероятность», однако, в них не была предложена расчетная методика ее количественной оценки. В результате, проценты Л.Г. Видонова остались единственными количественными величинами в криминалистической характеристике преступлений и методах оценки выдвинутых версий. С современных позиций можно сказать, что в криминалистике продолжается эмпирический этап создания криминалистических характеристик преступлений, который характерен для любого начального этапа научных исследований.

Как ранее было отмечено, с 2004 г. в ННГУ им. Н.И. Лобачевского ведутся исследования методов создания криминалистической характеристики преступлений с целью ее использования в раскрытии убийств. Данное направление проводится в рамках научного проекта «ФОРВЕР». Название «ФОРВЕР»

(формирование версий) обусловлено соответствующей компьютерной программой, предназначенной для раскрытия убийств. Нами достигнуты определенные результаты, ряд из них опубликован [12], в том числе в виде выполненной под моим руководством и утвержденной в 2012 г. ВАК РФ диссертации по этой проблеме [13].

Программа «ФОРВЕР» была включена приказом А.А. Фурсенко в стандарт профессиональной переподготовки следователей Следственного комитета Российской Федерации [14]. Сегодня, научные достижения университетских кафедр уголовного процесса и криминалистики юридического факультета и МО ЭВМ факультета ВМК в области разработки проблемы раскрытия и расследования убийств имеют собственную теоретическую базу, позволившую создать новые криминалистические средства в виде компьютерной программы «ФОРВЕР». Однако точкой отсчета в развитии этого направления исследований являются работы Л.Г. Видонова. Удивительно, что созданные им, казалось бы, очень давно – в последней трети прошлого века криминалистические рекомендации и в настоящее время не устарели. Они продолжают вносить существенный теоретический вклад в развитие криминалистики. Сегодня, анализируя результаты внедрения информационных технологий в криминалистику, можно увидеть силу влияния, которую оказал на научные исследования в криминалистике Л.Г. Видонов и высоко оценить внесенный им научный вклад в развитие криминалистической методик раскрытия и расследования убийств. ■

Литература:

1. Толстолуцкий В.Ю. Вклад Л.Г. Видонова в развитие криминалистической методик раскрытия и расследования убийств // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно деятельностного подхода: науч.–практ. изд. Ижевск: Jus est, 2013. С. 94–105.
2. Бахин В.П. Диссертационные исследования уже не дают повода для изобретения пороха и бумаги // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2007. Т. 20 (59), N 2. С. 314.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же. С. 315.
6. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: науч.–практ. и учеб. пособие. М.: БЕК, 1996. С. 116–127; Ларин А.М. Я – следователь. Тула: Издательский дом «Авторграф», 2008. 800 с.
7. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: науч.–практ. и учеб. пособие. М.: БЕК, 1996. С. 116–127.
8. Там же.
9. Там же.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 2001. С. 723.
11. Там же.
12. Толстолуцкий В.Ю. Компьютерная программа как основа ориентировочной части действия по раскрытию преступлений / Электронная Казань–2011 // Материалы третьей международной научно–практической конференции. Казань:

Универсум, 2011. С. 251–254; Толстолицкий В.Ю. Теория множеств как основа формирования понятия «криминалистическая характеристика преступлений // Инновации в государстве и праве России (Материалы Международной научно–практической конференции). Н. Новгород. 29–30 апреля 2009 года. Н. Новгород: Изд–во Нижегород. госуниверситета, 2009. С. 42–54; Толстолицкий В.Ю., Фесик П.Ю. Криминалистически значимые признаки, позволяющие определить пол преступника, при раскрытии убийств с помощью программы «Форвер» // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2009. N 4. С. 126–129.

13. Фесик П.Ю. Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств: Автореферат дис. ... к.ю.н. Н. Новгород, 2011.

14. Приказ Минобрнауки РФ от 29.11.2011 N 2763 «О федеральных государственных требованиях к минимуму содержания дополнительной профессиональной образовательной программы профессиональной переподготовки федеральных государственных гражданских служащих Следственного комитета Российской Федерации, назначенных на должности следователей следственных отделов Следственного комитета Российской Федерации по городам, районам и приравненным к ним специализированных, в том числе военных следственных отделов» (зарегистрировано в Минюсте РФ 27.02.2012, N 23333).